

А.В. Юров*

**ЗЕМЛЯЧЕСТВО ЖЕНЩИН-ФРОНТОВИЧЕК:
ИЗ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ
ГЕРОИНЬ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В 1920-Е ГОДЫ**doi:10.31518/2618-9100-2024-6-13
УДК 94(47)

Выходные данные для цитирования:
Юров А.В. Землячество женщин-фронтовичек: из истории социальной адаптации героинь Гражданской войны в 1920-е годы // Исторический курьер. 2024. № 6 (38). С. 188–200. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-13.pdf>

A.V. Yurov*

**SOCIETY OF WOMEN WAR VETERANS:
FROM THE HISTORY OF SOCIAL ADAPTATION
OF CIVIL WAR HEROINES IN THE 1920S**

doi:10.31518/2618-9100-2024-6-13

How to cite:
Yurov A.V. Society of Women War Veterans: From the History of Social Adaptation of Civil War Heroines in the 1920s // Historical Courier, 2024, No. 6 (38), pp. 188–200. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-6-13.pdf>]

Abstract. The article analyzes the social adaptation of female combatants awarded the Order of the Red Banner in Soviet society of the 1920s, with a particular focus on the activities of the veterans' organization "Society of women participants in the Civil War", established in 1929. The research is based on archival materials from the Russian State Military Archive, including transcripts of speeches and autobiographies of women who experienced the war and faced challenges reintegrating into civilian life. A key theme of the article is the role of awards as symbolic capital, which, however, could not always be effectively used for social mobility. The author emphasizes that professional connections and participation in veterans' organizations often played a more significant role in the adaptation of women, especially in a Soviet society where gender roles limited their career opportunities. The analysis of women's memoirs reveals the duality of their war experience: heroism and military achievements contrast with personal tragedies and difficulties related to returning to civilian life. Despite the official rhetoric glorifying women, their actual social adaptation was a complex and ambiguous process, intertwined with the political use of their wartime memory and the transformation of private narratives. The article highlights the distinct emotionality of these memoirs. Based on this, the author suggests the importance of the "Society of women participants in the Civil War" in shaping the collective identity of women and converting their veteran status into a potential social resource.

Keywords: society of women war veterans, social adaptation of veterans, ego-documents, women's heroism, Civil War, Order of the Red Banner.

The article has been received by the editor on 26.09.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья анализирует социальную адаптацию женщин-комбатанток, награжденных орденом Красного Знамени, в советском обществе 1920-х гг., уделяя особое внимание деятельности ветеранской организации «Землячество женщин – участниц Гражданской войны», созданной в 1929 г. Исследование базируется на архивных материалах Российского государственного военного архива, включая стено-

* **Антон Васильевич Юров**, магистрант, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: a.yurov@eu.spb.ru
Anton Vasil'evich Yurov, Master Student, European University at Saint Petersburg, St. Petersburg, Russia, e-mail: a.yurov@eu.spb.ru

граммы выступлений и автобиографии женщин, прошедших через войну и столкнувшихся с проблемами реинтеграции в мирную жизнь. Ключевая тема статьи – роль наград как символического капитала, который, однако, не всегда мог быть использован для социальной мобильности. Автор подчеркивает, что служебные связи и участие в ветеранских организациях нередко играли более важную роль в адаптации женщин в условиях советского общества, где гендерные роли ограничивали их карьерные возможности. Анализ воспоминаний женщин выявляет двойственность опыта участниц войны: героизм и боевые заслуги контрастируют с личными трагедиями и трудностями, связанными с возвращением к мирной жизни. Несмотря на героизацию женщин в официальной риторике, их реальная социальная адаптация была сложным и неоднозначным процессом, связанным с политическим использованием их памяти о войне и трансформацией частных версий прошлого. В статье подчеркивается особая эмоциональность мемуарных текстов. На этом основании делается предположение о важности землячества фронтовичек для процесса формирования коллективной идентичности женщин и конвертации ветеранского статуса в потенциальный социальный ресурс.

Ключевые слова: землячество женщин-фронтовичек, социальная адаптация ветеранов, эго-документы, женский героизм, Гражданская война, орден Красного Знамени.

Статья поступила в редакцию 26.09.2024 г.

Гражданская война оказала глубокое влияние на формирование раннесоветского общества. В условиях всеобщей милитаризации в боевые действия были вовлечены различные группы населения, включая тех, кто традиционно не считался комбатантами, – женщин и детей. Участие женщин в вооруженных конфликтах стало ярким примером трансформации социальных ролей в условиях войны, что позднее потребовало особого подхода к их адаптации в послевоенное время.

После завершения Гражданской войны начался процесс демобилизации и реинтеграции ветеранов в советское общество. Одной из форм их адаптации стало создание различных землячеств и ветеранских организаций, включая уникальное по своему характеру землячество женщин-фронтовичек, учрежденное в 1929 г. Эти объединения не только способствовали формированию памяти о событиях войны, но и предоставляли ветеранам, в особенности отмеченным наградами, возможность претендовать на социальную поддержку.

Особого внимания заслуживает группа женщин, награжденных орденом Красного Знамени. Их опыт социальной адаптации соединял в себе проблемы, с которыми сталкивались женщины-комбатантки, а также общественные привилегии, на которые могли рассчитывать орденосцы. По этой причине важно понять, как женщины воспринимали свое награждение, как оно влияло на их дальнейшую судьбу и как они интегрировались в советское общество в условиях, где роль ветерана канонично определялась мужским опытом войны.

Цель настоящего исследования – проанализировать процесс социальной адаптации женщин-комбатанток, награжденных орденом Красного Знамени, через призму их воспоминаний и участия в работе конкретной ветеранской организации. Мы стремимся выявить, как память о подвиге отражала влияние Гражданской войны на их личные и социальные траектории в послевоенный период.

В основу исследования легли архивные материалы Российского государственного военного архива, а именно фонда Центрального музея РККА. В нем отложились стенограммы выступлений женщин на вечерах воспоминаний, организованных в землячестве фронтовичек, существовавшем при музее в 1929–1936 гг., а также письменные автобиографии. Выбранные тексты представляют собой источник, отражающий личные переживания

и боевой путь участниц Гражданской войны, награжденных орденом Красного Знамени в 1919–1928 гг.

Важной специфической характеристикой данных материалов является их эмоциональная насыщенность. Воспоминания женщин часто выходили за рамки героического повествования, предлагая более личный и субъективный взгляд на их фронтовой опыт. Они содержат моменты, связанные с потерей близких, инвалидностью и эмоциональными травмами, которые не всегда становились частью текстов, выполненных в духе официального героического нарратива. Эти аспекты позволяют проследить не только боевой путь ветеранов, но и то, как реинтеграция в общество отразилась на их женской субъектности, а также социальной мобильности.

Деятельность землячества женщин – участниц Гражданской войны¹ является малоизученной темой и практически не упоминается в литературе, однако находится на пересечении нескольких активно исследуемых сюжетов. Так, специалистами рассматриваются различные аспекты мирной жизни ветеранов. В диссертации Дж.Г. Хартзок изучено их участие в героизации Гражданской войны². В частности, затронуто использование в этих целях памяти женщин-комбатанток в рамках издательского проекта «История Гражданской войны». Примечательно, что его редакторы нашли многие воспоминания участниц войны недостаточно героическими, сентиментальными, «серыми и скучными». В целом же женский героизм ожидаемо оказался на периферии коммеморативных практик³.

Ценность для настоящего исследования представляет монография О.М. Морозовой, посвященная взаимодействию бывших красных партизан с так называемыми «партизанскими комиссиями»⁴. Выполненный историком анализ воспоминаний, с помощью которых происходило лоббирование льгот и наград, является важной историографической предпосылкой в рассмотрении воспоминаний фронтовичек. По этой же причине для нас важна и ее работа, посвященная женским текстам о Гражданской войне⁵. Автор отмечает, что эмоциональная насыщенность эго-документов 1920-х гг. может быть связана с дефицитом эмоций, который возникал вследствие нехватки чувств, ставших привычными за время войны, что накладывало отпечаток на мемуарные тексты⁶. Участие женщин в боевых действиях также посвящено несколько работ. В рамках настоящей статьи в целях фактической реконструкции мы будем опираться на монографию И.В. Алфёровой как на наиболее актуальное и информативное исследование⁷.

Социальная функция наградных практик, а также их отражение в эго-документах раскрываются в работах А.И. Савина⁸. Автор рассматривает 1920-е гг. как период «дегероизации» и непопулярности индивидуальных наградений ввиду демобилизующей атмосферы нэпа. Это приводило к ограничениям в области масштабных наградных компаний, которые окончательно были сняты только в 1930-е гг. Ссылаясь на постановление Президиума ЦИК СССР от 26 сентября 1924 г., в соответствии с которым прекращались представления к награждению орденом Красного Знамени за подвиги, совершенные в период до 1 января 1923 г., А.И. Савин пишет о том, что две юбилейные наградные кампании –

¹ Заметим, что данное название ветеранской организации фигурирует в документах наравне с «землячеством фронтовичек», хотя первое использовалось в качестве основного. Во избежание повторений в тексте мы будем использовать оба варианта.

² Hartzok J.G. *Children of Chapaev: The Russian Civil War Cult and the Creation of Soviet Identity, 1918–1941*. PhD (Doctor of Philosophy) thesis. University of Iowa, 2009.

³ Ibid. P. 215–220.

⁴ Морозова О.М. Два акта драмы: боевое прошлое и послевоенная повседневность ветеранов Гражданской войны. Ростов н/Д., 2010.

⁵ Морозова О.М., Трошина Т.И. Женский взгляд на мужскую работу. Революция и гражданская война глазами и в судьбах женщин // *Новейшая история России*. 2016. № 2 (16). С. 8–30.

⁶ Там же. С. 25.

⁷ Алфёрова И.В. «Женский вопрос» в теории и практике большевизма. Брянск, 2011.

⁸ Савин А.И. «Страна должна знать своих героев»: советский героизм как социальный трамплин (1920 – 1930-е годы) // *ЭКО*. 2014. № 12 (486). С. 159–171; Савин А.И. Сталинские герои в зеркале эго-документов 1930-х гг. // *Уральский исторический вестник*. 2020. № 4 (69). С. 101–108.

к 10-летию Октябрьской революции и к 10-летию РККА, в ходе которых все же производились награждения орденом Красного Знамени ограниченного круга лиц, не могли кардинальным образом изменить ситуацию в сфере героизации общества⁹. Кажется важным проверить этот тезис, поскольку многие участницы Гражданской войны получили награды именно во время «дегероизации» – к юбилею РККА в 1928 г. С другой стороны, на этом основании резонно предположить, что героини Гражданской войны должны были бы испытывать определенные проблемы если не с признанием своих заслуг, то с конвертированием их в социальные блага.

Нарратив, посвященный участию женщин в революции и Гражданской войне, а также их героизация были неотъемлемой частью официальной риторики большевиков. Это касалось как женского политического активизма (в особенности участниц подпольного движения), так и деятельности женщин на фронте¹⁰. В связи с этим необходимо подробнее рассмотреть, как происходила репрезентация женского героизма в интересующий нас период. В этом контексте специалисты отводят важную роль прессе 1920-х гг. – авторы публикаций часто акцентировали внимание на тяжелых последствиях войны, причем не только на проблемах со здоровьем¹¹. Так, в заметке губернского журнала «Работница и крестьянка» за 1922 г. описывалась «отчаянное положение» санитарки, вернувшейся с фронта в 1920 г. инвалидом: «Муж был солдат старой армии и старого закала, совершенно отказался от нее, вообще создалось отчаянное положение, но это не остановило энтузиазма революционерки работать на мирном хозяйственном фронте на общее дело революции...»¹². Подобные тексты в первую очередь были призваны показать заботу советского государства об «отдавших свое здоровье» героинях. Вместе с тем они указывали на наличие и распространность социальных проблем в послевоенной жизни комбатанток.

Неслучайно именно в это время А.Н. Толстой создает повесть «Гадюка»¹³ (опубликована в августе 1928 г.), ярко отражающую проблему социальной и психологической адаптации участниц Гражданской войны. Главная героиня Ольга Зотова прошла через суровые испытания на фронте, но по возвращении в мирную жизнь столкнулась с отчуждением и непониманием со стороны своего нового окружения. Ее военный опыт не востребован, а боевые заслуги, которые на фронте воспринимались как героизм, теперь выглядят лишними и чуждыми в мирной жизни. Это приводит к эмоциональной изоляции Зотовой, а затем и к трагическому случаю: Ольга в порыве «знакомой (здесь и далее курсив наш. – А. Ю.) дикой ненависти» убивает свою соседку по коммунальной квартире в ходе личного конфликта¹⁴.

Впрочем, далеко не всегда репрезентация комбатанток происходила в подобном экстремальном ключе. В текстах более нормативного стиля преобладало описание подвигов и энтузиазма женщин, отправляющихся на фронт или участвующих в мирном строительстве, работы женотделов и советов. В агитационном издании из книжной серии «Библиотека работницы и крестьянки» за 1927 г. в качестве примеров приводятся распространенные паттерны героического поведения на фронте: разведчица, попавшая в плен к белым, погибает, не выдав информацию о расположении войск; работница, командующая сперва взводом, а затем ротой, скрывает свое ранение, «потому что считала порученное ей дело важнее своей жизни», и ведет свой отряд в бой¹⁵. Биографические подробности и обстоятельства пребывания женщин на фронте опускаются, а подвиги интерпретированы с точки зрения политической сознательности: «бесчисленное множество <...> работниц и крестьянок

⁹ Савин А.И. Героизм как идеологический концепт сталинской эпохи // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: История. 2020. № 3 (55). С. 100–101.

¹⁰ Алферова И.В. «Женский вопрос»... С. 226, 231.

¹¹ Минаева О.Д. Образ героини Гражданской войны в советских журналах для женщин (1920–1930 гг.) // Меди@льманах. 2013. № 3 (56). С. 24–25.

¹² Цит. по: Там же. С. 25.

¹³ Толстой А. Гадюка (Повесть об одной девушке) // Красная новь. 1928. № 8. С. 3–33.

¹⁴ Там же. С. 33.

¹⁵ Ратновский М.А. На баррикадах Октября. М.; Л., 1927. С. 61–62.

боролись, погибали и побеждали на фронтах гражданской войны»¹⁶. Здесь же в главе «Работница в рядах строителей социализма» рассказывается об активной общественной деятельности работниц и их стремлении вступить в партию. Послевоенные годы описываются как время тяжелых бытовых условий и голода, часто указывается на пусть преодолеваемую, но «отсталость» женщин. Однако в личных историях женщин это практически не проявляется или же не становится значимым препятствием для включения в «мирное строительство».

Тексты, посвященные женскому героизму на фронте, можно в целом охарактеризовать как редкое явление, в связи с чем трудно оценить реальные масштабы дискурсивной героизации комбатанток и ее влияния на их социальное положение. Уникальна в этом отношении работа А.П. Богат «Работница и крестьянка в Красной армии», изданная в 1928 г. не самым большим тиражом в 15 тыс. экземпляров¹⁷.

Прежде всего заслуживает внимания биография автора книги. А.П. Богат (1898–1981 гг.) родилась в Екатеринославле в семье рабочего. Присоединилась к Красной армии в 1919 г. с вступлением советских войск в Харьков. В 1920–1922 гг. проходила обучение в 1-й кавалерийской школе в Москве, после чего была направлена в Первую Конную армию, где два года служила командиром взвода. А.П. Богат была одной из немногих женщин, которые выбрали военную карьеру. В 1924 г. она поступила в Военную академию РККА им. М.В. Фрунзе, которую окончила в 1927 г., но ввиду болезни сердца была демобилизована, продолжив работу в Осоавиахиме и отделе работниц и крестьянок ЦК ВКП(б)¹⁸, а с 1930 г. занимала пост заместителя Наркома здравоохранения СССР. Публицистикой А.П. Богат начинает заниматься в 1927 г., главной темой ее статей становится роль женщин в Гражданской войне и участие в военной подготовке в СССР. Ее тексты печатаются в журналах, а также издаются в виде брошюр.

«Работница и крестьянка в Красной армии» является одновременно небольшим исследованием о женщинах на фронте и сборником из 40 биографических очерков. Также она включает в себя несколько тематических заметок, например о краснознаменках Первой Конной, и список женщин, награжденных орденом Красного Знамени за 1919–1926 гг. Работа А.П. Богат важна не только с историографической точки зрения, она также является ярким примером героизации женщин-комбатанток. В предисловии издание названо «книжечкой, написанной наспех к десятилетию Октября», но которая «читается с захватывающим интересом»¹⁹. Действительно, основное внимание отведено героическому поведению женщин, которые добровольно отправляются на фронт и либо гибнут – в бою, в результате казни или пыток, либо продолжают свой боевой путь с новыми силами. Даже крайне серьезные ранения и близость к смерти редко становятся поводом для эмоциональной рефлексии. Так, в книге цитируются воспоминания кавалеристки Скрябиной: «“Я спряталась на поле за мертвецами. Не помню, сколько прошло времени, только я чувствовала, что сапоги полны крови и очень холодно”. В таком состоянии подобрали ее наши разведчики. “Через три месяца раны зажили и я опять пошла в бой”»²⁰.

Указание на послевоенную судьбу героинь если и присутствует в книге, то не затрагивает проблемы, которые ждали их в мирной жизни. Так, разведчица, которая с юности принимала участие в революционном движении, просто «уходит на гражданскую работу»: «Бой на реке Буй был роковым для нее. Тяжелая контузия заставила ее покинуть строй. Некоторое время работает еще она в качестве политрука. Утомленная и больная уходит Баландина на гражданскую работу. Путь непрерывной борьбы, путь полный опасностей оставила она за собой»²¹. Для А.П. Богат было важно продемонстрировать сознательное вовлечение женщин в политику и переориентацию их традиционных ролей в обществе, в связи с чем описание какого-либо трагизма становится неуместным.

¹⁶ Ратновский М.А. На баррикадах Октября... С. 62.

¹⁷ Богат А.П. Работница и крестьянка в Красной армии. М.; Л., 1928.

¹⁸ Там же. С. 10.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 26.

²¹ Там же. С. 30.

В тексте заметно влияние мужского военного опыта как канонического образца героизма. Автор стремится доказать способность и желание женщин участвовать в войне наравне с мужчинами: «Все так и рвались в бой за рабочую власть. Где был мужчина, там была и женщина»; «Белогвардейцы знали, что женщина-пролетарка не менее опасна, чем боец Красной армии»; «Были среди них и женщины-командиры, которых не отличишь от сотни других командиров. Грубый и властный голос, жесткая дисциплина, решимость и воля командира. Таковы были они на фронте»²² и т.д. Примечательно, что в это время еще можно было избегать поголовной демонизации противников большевиков: «В одном из боев белые захватили ее в плен. “Меня били розгами, как собаку <...> Немного я отлежалась и при помощи одного белогвардейца убежала и добралась до 30 дивизии»²³. Безусловно, это не общее свойство подобных текстов, но все же налицо различие, которое наблюдается в сравнении с дискурсом 1930-х гг.

В 1937 г. была издана книга, сыгравшая важную роль в героизации женщин-ветеранов, – «Женщина в Гражданской войне»²⁴, для которой привлекались воспоминания членов северокавказского отделения землячества фронтовичек, возникшего в первой половине 1930-х гг. Здесь мы сошлемся на более полный обзор этой публикации, осуществленный Дж.Г. Хартзок. Она показывает, как участие А.М. Горького отразилось на редакции мемуарных текстов, ставших менее сентиментальными²⁵. Для настоящей статьи важно, что в конце 1920-х гг. комбатантки только начинают полноценно включаться в героический нарратив о Гражданской войне, что свидетельствует о начале персонификации их героизма в общественном дискурсе.

Мы видим в запуске этого процесса особую роль юбилейных наградений. Так, в связи с десятилетием РККА в 1928 г. произошло массовое вручение наград за подвиги 1918–1923 гг. Орден Красного Знамени тогда получили несколько десятков женщин²⁶. В этот же год появляется книга А.П. Богат, что, должно быть, придало актуальность изданию. Показательно, что А.П. Богат не была «краснознаменкой». Проявив себя в армии, она обрела необходимые социальные связи, что помогло ей после окончания Гражданской войны получить военное образование, а затем занять и государственные должности: «пропуск» в виде ордена для продвижения вверх по карьерной лестнице ей тогда не понадобился. 22 марта 1933 г. она была награждена орденом Ленина в связи с 20-летием Международного коммунистического женского дня²⁷, что ознаменует признание ее заслуг уже на более высоком уровне, чем если бы она получила ранее орден Красного Знамени²⁸. Для контекста полезно будет указать, что к этому юбилею орденом Ленина были также награждены Н.К. Крупская, К. Цеткин, А.М. Коллонтай, М.И. Ульянова и другие именитые революционерки²⁹.

Биография А.П. Богат является примером удачной социальной адаптации женщины – участницы Гражданской войны, не отмеченной орденом, но подтвердившей свой героический статус. И хотя таких случаев было немного, ее опыт не уникален. С армией свою жизнь связала, например, М.О. Булле (1892–1938 гг.). Участница Гражданской войны, она побывала заместителем заведующего политотделом 11-й армии С.М. Кирова, референтом по Персии в НКВД и сотрудником Народного комиссариата по делам национальностей, а затем окончила Военную академию. В 1928 г. М.О. Булле была награждена орденом Крас-

²² Богат А.П. Работница и крестьянка... С. 11, 21, 24.

²³ Там же. С. 27.

²⁴ Женщины в Гражданской войне: Эпизоды борьбы на Сев. Кавказе в 1917–1920 гг. М., 1938.

²⁵ Hartzok J.G. Children of Чарпаев... P. 213–220.

²⁶ Дуров В.А., Стрекалов Н.Н. Орден Красного Знамени: история учреждения награды и эволюция орденского знака. М., 2006. С. 29.

²⁷ Постановление Президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР // Известия. 1933. 23 марта. № 79.

²⁸ При этом необходимо учитывать, что в тексте приказа о награждении отмечалась не только общественная деятельность Булле, но и ее «активная работа на фронте», которая, вероятно, заменила в данном случае партийный стаж. О восприятии наградений в 1930-е гг. см.: Савин А.И. Сталинские герои... С. 101–108.

²⁹ Постановление Президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР // Известия. 1933. 8 марта. № 66.

ного Знамени, а в 1929 г. присоединилась к землячеству фронтовичек. На момент ареста в 1937 г. она занимала должность исполняющего обязанности наркома здравоохранения Башкирии³⁰.

Вместе с тем необходимо сказать, что большинство комбатанток не выбрали (или не смогли выбрать) военную карьеру и не достигли подобного социального положения. Вероятно, это объясняется тем, что фронтовички были сравнительно немногочисленной социальной группой. Так, по оценкам историков, в 1920 г. общее число женщин, служащих в Красной армии, составляло около 66 тыс. человек, т.е. около 2 % всех военнослужащих³¹. Около 60 % женщин были задействованы на административно-хозяйственной и политической работе, 40 % – в качестве медицинского персонала, и лишь незначительная часть принимала участие в боевых действиях на постоянной основе³². Однако служба большинства женщин все же не была безопасной. Многим приходилось обучаться владению оружием и верховой езде, поскольку риск неожиданного столкновения с противником был слишком высок. Показательно, что из 28 женщин, награжденных орденом в 1919–1923 гг., 24 получили его формально, не будучи красноармейками. Большинство отличились оказанием медицинской помощи под огнем противника, хотя в приказе о награждении часто указывалось пространное «за отличие в бою»³³.

Заметим, что данные о награждениях за период Гражданской войны стоит оценивать критически. Несмотря на то, что «Сборник лиц, награжденных орденом Красного Знамени и почетным революционным оружием»³⁴ на данный момент является наиболее полным и достоверным источником, необходимо учитывать имеющиеся погрешности. Показательным примером является случай Е.А. Осадчей, которая воевала под мужским именем Ивана Григорьевича Хаустова и под ним же числится в «Сборнике лиц...»³⁵. В ее анкете, составленной в землячестве фронтовичек, указано: «Осадчая Ефросиния – (она же Иван Хаустов) комвзвода, краснознаменка»³⁶. А.П. Богат описывает в своей работе сразу несколько случаев, когда женщины в армии выдавали себя за мужчин³⁷ – это могло отразиться и на наградной статистике.

Не учтены также утерянные орденские знаки и наградные документы. Так, согласно тем же анкетам членов землячества, А.П. Скрипай была награждена орденом в 1919 г., но затем он был утерян³⁸. При этом в анкете, заполненной ею лично, она указывает, что награждение могут подтвердить «тт. Гай, Ковтюх, Жлоба, Буденный, Саблин»³⁹ – известные военачальники, что, помимо прочего, указывает на вероятное сохранение служебных связей. Немаловажным эпизодом биографии могло быть и само представление к ордену, даже если оно не было утверждено⁴⁰. Данные эпизоды коренным образом не меняют представления о численности женщин, которые могли претендовать на статус героинь или ветеранов Гражданской войны, но позволяют уточнить характер статистики, на которую мы вынуждены опираться.

Итак, если учитывать случай Е.А. Осадчей, то всего за 1919–1923 гг. орденом Красного Знамени было награждено 27 женщин, две – за 1924–1926 гг.⁴¹ В приказе РВС СССР

³⁰ Морозова О.М., Трошина Т.И. Женский взгляд на мужскую работу... С. 16.

³¹ Алферова И.В. «Женский вопрос»... С. 232.

³² Там же.

³³ Богат А.П. Работница и крестьянка... С. 95–100.

³⁴ Сборник лиц, награжденных орденом Красного Знамени и почетным революционным оружием. М., 1926.

³⁵ Там же. С. 262.

³⁶ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 28361. Оп. 1. Д. 318. Л. 33.

³⁷ Богат А.П. Работница и крестьянка... С. 22. С. 72–73.

³⁸ РГВА. Ф. 28361. Оп. 1. Д. 323. Л. 84–85.

³⁹ Там же. Д. 163. Л. 88.

⁴⁰ Там же. Д. 318. Л. 31. Такое упоминание содержит, например, анкета Елены Родионовой, хотя и без указания конкретных сведений.

⁴¹ Сборник лиц, награжденных орденом Красного Знамени... С. 296. Указанные временные рамки обусловлены тем, что хотя орден и был учрежден в сентябре 1918 г., за этот год награждения удостоились лишь четыре человека, среди которых не было ни одной женщины.

от 23 февраля 1928 г. № 101 числятся 32 женщины⁴². Нет точных сведений о количестве награжденных в 1927 г., хотя именно к юбилею революции также была приурочена наградная кампания. Например, за подвиги времен Гражданской войны по представлению кубанской партийной организации тогда получила орден Е. Алексеева, принимавшая активное участие в работе первых женотделов на Кубани⁴³. Таким образом, к моменту создания землячества в Советском Союзе было не менее 60 «краснознаменок». Хотя мы и не можем назвать точное количество награжденных, едва ли это сказывается на общей картине: всего за 1918–1923 гг. состоялось 14 639 награждений орденом Красного Знамени⁴⁴.

Несмотря на относительно небольшое количество краснознаменцев, государству периодически приходилось сталкиваться с социальными претензиями различных ветеранских групп. Самым известным и хорошо изученным примером являются красные партизаны, которым приходилось доказывать свой статус участника боевых действий, чтобы претендовать на общественные льготы. Через письма в так называемые «партизанские комиссии» нередко происходило лоббирование льгот и наград, а также коммуникация и конфликты внутри партизанских групп⁴⁵. Землячества ветеранов Гражданской войны при Центральном музее РККА отличались от подобных организаций. Так, формально у них отсутствовала утилитарная мотивация деятельности. Основное внимание уделялось культурно-просветительской работе: проведению просветительских мероприятий, сбору и хранению воспоминаний, подготовке публикаций о ветеранах. Также землячества ветеранов образовывались на основе единого места службы. Существовало землячество 1-й Конной армии, землячество «чапаевцев», Украинское землячество, Сибирское землячество участников Гражданской войны⁴⁶. Иногда критерием становился профессиональный признак – как у землячества художников или курсантов, или, как в случае землячества фронтовичек, гендер.

Важно учитывать политический контекст возникновения землячеств. С конца 1920-х гг. власти стали уделять значительно больше внимания идеологической роли музея РККА. Так, в мае 1927 г. управление организацией было передано под эгиду Политического управления РККА, ответственного за пропаганду в армии. Его сотрудники заявляли о недостаточном освещении роли партии и лично В.И. Ленина в Гражданской войне. Напомним, что музей был основан в 1919 г., а в 1923 г. прославился выставкой к пятилетнему юбилею армии, в которой видное место заняла экспозиция бронепоезда председателя РВСР Л.Д. Троцкого, однако музей не пользовался широкой популярностью среди военных. Новоиспеченное руководство сделало упор на новые политические экспозиции и привлечение широкого потока посетителей, сократив работу по историческим исследованиям. В конце 1929 г. к десятилетнему юбилею Первой Конной армии была открыта экспозиция, которую лично посетили И.В. Сталин и К.Е. Ворошилов⁴⁷.

Таким образом, землячество фронтовичек возникло в переломный момент истории музея, когда менялся идеологическо-политический фон, что было критически важно для работы советской культурно-просветительской организации. Неслучайно организаторов чрезвычайно интересовали анкеты «краснознаменок»⁴⁸, а каждой вступавшей задавали уточняющие вопросы о причинах и обстоятельствах награждения орденом. Помимо понятного внимания к личностям женщин, отмеченных наградами, руководство музея было заинтересовано в сборе воспоминаний, которые можно было бы вписать в новые принципы построения

⁴² Дуров В.А., Стрекалов Н.Н. Орден Красного Знамени... С. 29.

⁴³ РГВА. Ф. 28361. Оп. 1. Д. 308. Л. 77. При этом фамилия Алексеевой числится и в приказе № 101 от 23 февраля 1928 г., поэтому, вероятно, в наших подсчетах имеет место дублирование.

⁴⁴ Савин А.И. «Страна должна знать своих героев»... С. 167.

⁴⁵ Бичлов О.А. Социальная адаптация «красных партизан» Осетии после Гражданской войны // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. 2012. № 4. С. 16–18.

⁴⁶ См., например: Шишкин В.И. Сибирское землячество участников Гражданской войны (24 марта 1929 – 20 ноября 1936 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 4. С. 77–86.

⁴⁷ Hartzok J.G. Children of Chapaev... P. 254–256.

⁴⁸ РГВА. Ф. 28361. Оп. 1. Д. 318. Л. 10–33.

экспозиций, а также использовать для издания книг, где роль женщины в войне была бы показана наиболее героически.

Формальной датой создания «Землячества женщин – участниц Гражданской войны» является 30 мая 1929 г., о чем Оргбюро организации сообщило через газету «Известия» 11 июня 1929 г.⁴⁹ В открытом письме Землячество приглашало «всех участниц гражданской войны (активных работниц в Красной армии, Красной гвардии и партизанских отрядах), проживающих в Москве, регистрироваться у секретаря оргбюро...»⁵⁰; проживающих в провинции просили сообщить адрес. Было также заявлено три основных направления деятельности: «1) выявление и сбор материалов (воспоминаний, фотоснимков, приказов и т.д.), по которым можно было бы восстановить и зафиксировать роль и участие женщин в гражданской войне; 2) использование материалов для организации при Центральном музее РККА специального раздела – “женщина в гражданской войне”; 3) издание брошюр, исторических исследований, монографий и т.д.»⁵¹.

Структура и принципы работы женского землячества мало чем отличались от других землячеств, создаваемых при Центральном музее РККА. Руководство последнего мотивировало создание организаций необходимостью собирать материалы для выставок⁵², а на страницах крупнейших газет периодически публиковались заметки, в которых ветеранов призывали участвовать в жизни землячеств с целью сохранения истории Гражданской войны⁵³. Формально руководители подобных объединений избирались. Как правило, ими становились те, кто во время войны командовал боевым соединением, на основании которого образовано землячество. Так, землячеством 1-й Конной армии закономерно руководил С.М. Будённый⁵⁴. Председателем землячества женщин-участниц Гражданской войны стала А.Н. Фурманова.

Мы не располагаем стенограммой организационного заседания или другими источниками, в которых обсуждалась бы кандидатура Фурмановой. Вместе с тем ее избрание (или фактическое назначение) вполне укладывается в логику функционирования ветеранской организации. После смерти Д.А. Фурманова в 1926 г. его жена готовила издания сочинений писателя, работала над пьесой по роману «Чапаев». Также известно о ее сотрудничестве с Центральным музеем РККА: в 1928 г. она передала музею личное оружие мужа и В.И. Чапаева⁵⁵. Вероятно, именно статус вдовы известного писателя, литературные навыки, а также личные связи выдвинули Фурманову на роль руководителя землячества, основной целью которого должна была стать подготовка литературных изданий о женщинах в Гражданской войне. Можно предположить, что А.П. Богат, уже опубликовавшая книгу на эту тему, была слишком занята своей работой в государственных органах, чтобы претендовать на место Фурмановой. На это указывает и тот факт, что после 1930 г.⁵⁶ не прослеживается следов публицистики Богат. По-видимому, она даже не состояла в ветеранской организации. С опорой на источники это подтверждается как минимум в отношении первых месяцев существования землячества, когда в нем насчитывалось несколько десятков человек⁵⁷. К середине декабря 1929 г. среди них было не менее 18 женщин, имевших орден или представленных к награждению⁵⁸.

⁴⁹ Письмо в редакцию // Известия. 1929. 23 мая. № 131.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² Hartzok J.G. Children of Чапаев... Р. 255–256.

⁵³ Больше внимания истории гражданской войны. // Известия. 1929. № 270.

⁵⁴ Протоколы заседаний бюро землячеств участников Октябрьской революции и гражданской войны, список членов землячества 1 Конной армии // РГВА. Ф. 28361. Оп. 1. Д. 706.

⁵⁵ Hartzok J.G. Children of Чапаев... Р. 258.

⁵⁶ Богат А.П. Женщины – бойцы Красной Армии. М.; Л., 1930.

⁵⁷ РГВА. Ф. 28361. Оп. 1. Д. 163. Л. 19–19 об. Имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют воссоздать целостную картину. Так, в цитируемом документе (датирован второй половиной 1929 г.) фигурирует число в 37 анкет. Здесь же на полях выполнены подсчеты карандашом: «82 – 37 = 45». Вероятно, могли иметься в виду женщины, подавшие заявку на вступление в землячество.

⁵⁸ Там же. Д. 323. Л. 25–189.

Воспоминания собирались руководством землячества не только посредством проведения встреч ветеранов. Коллекционировались и более ранние материалы об участницах Гражданской войны. Так, в архивном деле сохранены мемуары сослуживцев известной революционерки Е.Б. Бош, написанные в формате некрологов после ее смерти в январе 1925 г.⁵⁹ Посредством писем происходила заочная коммуникация с теми, кто не проживал в Москве, а московские члены землячества, помимо публичных выступлений, также предоставляли свои мемуары в виде автобиографий.

Хотя участницы Гражданской войны были склонны по-разному расставлять акценты в своих воспоминаниях, описание собственных, а также коллективных подвигов занимало значимое место практически в каждом тексте. Часто это выражалось в том, что женщины говорили как бы от лица некой группы, пытаясь вслед за официальном дискурсом показать «роль женщины» в войне. С этого же начала свой рассказ одна из ветеранов: «Здесь я должна отметить роль женщин в отряде. Они все время шли в передовой цепи, наравне с мужчинами, ни на шаг не отступая, тут же на месте оказывая помощь и вынося каждого раненого с поля битвы»⁶⁰. Другая – Мария Алексеева, работавшая в подполье, – указывала, что они с подругой «проклинали природу, не усмотревшую при создании женщины ее участия в гражданской войне и обидевшую физическую силу»⁶¹.

Описание собственных подвигов было характерно в большей мере для заранее подготовленных текстов и особенно в случае заочной коммуникации мемуаристов с землячеством. Показательным здесь является автобиография партизанки Т.Ф. Васютиной. Подробно описав свой революционный и боевой путь, она заявляла: «...была представлена к награде и в ту же ночь опять ушли мы в бой. *Здесь никогда не думала о наградах*»⁶². Вместе с тем Васютина использовала особую эмоциональную риторику, чтобы подчеркнуть личные заслуги: «Все время даже не думала о своей личной жизни и своих детях <...>, посвятила свою жизнь на дело рабочего класса[за О]ктябрьскую революцию. Не щадила своей жизни и с[и]лы, боролась всем своим существом <...>. Теперь больной тяжело об этом вспоминать»⁶³. Ее старшая дочь «после пережитого» (ранее в тексте намекалось на ее изнасилование белыми офицерами) умерла в 1928 г., средняя болела туберкулезом. Как следует со слов Васютиной, она не имела «никакой помощи в лечении, ее исключили из техникума по болезни и прислали мне»⁶⁴. Младшая дочь «уже фактически инвалид», а на иждивении у бывшей партизанки был также мальчик десяти лет, оставшийся без родителей, погибших во время войны.

Примечательно, что данный печатный текст был изначально озаглавлен как «Докладная записка. В Реввоенсовет», эта часть названия перечеркнута редактором – «автобиография участницы гражданской войны красно-гвардейской партизанки Васютиной...». Вероятно, этот документ изначально был направлен в несколько инстанций, в том числе в землячество (фамилии Васютиной нет в списке анкет), где его решили сохранить. Текст имеет отчетливые контуры «письма во власть»: сообщения, рассчитанного на решение социальных проблем с помощью обращения в государственные инстанции. Если наше предположение верно, то показательным, что «властью» – инстанцией – в этом случае выступает в том числе землячество.

Аналогичная риторика прослеживается в рукописных воспоминаниях А.П. Скрипай (выше мы ссылались на случай утери ею ордена). Во время переезда у нее были украдены документы и орден: «И до сих пор я не могу восстановить его»⁶⁵. Из анкеты мы также знаем, что она была безработной с 1925 г., проживала в Сочи, а основная ее деятельность была связана с Осоавиахимом. И хотя здесь нет прямого «выпрашивания» ордена, используемая

⁵⁹ РГВА. Ф. 28361. Оп. 1. Д. 308. Л. 22–23.

⁶⁰ Там же. Л. 3–4. Автор воспоминаний неизвестен.

⁶¹ Там же. Д. 323. Л. 6.

⁶² Там же. Д. 163. Л. 230.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. Л. 84.

риторика подразумевает, что в отношении героини была допущена несправедливость. Вступая в землячество, она, должно быть, рассчитывала на помощь в восстановлении ордена и возобновлении важных социальных связей.

Еще одна формы работы землячества – вечера воспоминаний, в свою очередь вряд ли располагавшие к предъявлению подобных «претензий». Более того, некоторые женщины вовсе не рассказывали об обстоятельствах своего награждения, в связи с чем организаторам мероприятия приходилось спрашивать их об этом несколько раз⁶⁶. Содержание стенограмм в большей мере приоткрывает нам пространство частной рефлексии, где нарратор субъективно расставляет ключевые акценты. Перечисление запоминающихся событий фронтовой жизни и революционного пути было стандартной формой повествования, поэтому все так или иначе затрагивали «героическую сторону» войны. Некоторые уделяли меньше внимания идеологической составляющей, стараясь в первую очередь передать свои собственные впечатления.

Так, рассказ «краснознаменки» З.П. Патрикеевой – санитарки 65-го кавалерийского полка Первой Конной армии – наполнен подобными сюжетами: она учится стрелять из пулемета, взрывает мост, берет пленного и т.п.⁶⁷ Лишь в конце она буквально в нескольких фразах указывает на проблемы со здоровьем и тяжелое материальное положение: «Сама я ткачиха. Работала на ткацкой фабрике на 4-х станках. Теперь снята с работы, потому что стоять долго не могу и переведена на инвалидность. Работала с 12-ти лет»⁶⁸. При этом она лишь мельком упоминает, что ей был вручен орден. Рассказ также насыщен описанием «непарадной» стороны войны, особенно ранений: «В это время ко мне подошел поляк и выстрелил мне в половые части, где я и была тяжело ранена. Я была ранена в неловкое место и меня всегда дразнили <...> Когда я попала к полякам, меня избивали где только можно было, у меня на всем теле есть следы»⁶⁹. Представляется, что сама возможность обращения к подобным сюжетам требовала нахождения в особом сообществе (или в особой обстановке), допускающем эмоциональную открытость участников.

Яркой иллюстрацией этого тезиса являются воспоминания красноармейки Марии Поповой. С ее награждением был связан эпизод, «о котором не хотелось бы рассказывать»: ей пришлось расстрелять двух красноармейцев, чтобы остановить бегство вверенного ей полка. За успешное выполнение задания она получила орден. Здесь важно процитировать источник: «Для меня это очень трудный момент, что пришлось двух товарищей убить. Когда я вывела полк, <...> было приписано всем красноармейцам, <...> чтобы я осталась командиром полка. Но я никак не могла, потому что ни черта не понимала. За это я получила орден Красного Знамени»⁷⁰. Эта ситуация не стала препятствием для сохранения в памяти других событий. Ценным воспоминанием для Поповой было награждение часами лично В.И. Чапаевым, которые тот вручил ей, сняв со своей руки: «Эти часы я все время берегла»⁷¹. Вместе с тем не каждая участница войны была открыта к подобного рода рефлексии. Личные истории могли быть представлены всего несколькими предложениями: «Большой трагедией для меня в то время было еще и то, что у меня на Украине убили 2-х детей, закололи штыками и бросили в реку. Вот и вся моя фронтовая работа»⁷².

Рассмотренные воспоминания образуют фрагментированную и неоднозначную картину событий. С одной стороны, это вызвано ограниченным количеством привлеченных источников и выбором короткого хронологического промежутка. Вместе с тем данный период является особым временем, изменившим положение ветеранов в раннесоветском обществе. О.М. Морозова отмечает, что активизация процесса создания официальной истории Граж-

⁶⁶ РГВА. Ф. 28361. Оп. 1. Д. 308. Л. 113, 117.

⁶⁷ Там же. Д. 315. Л. 2.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же. Л. 2–3.

⁷⁰ Там же. Д. 316. Л. 12. Нам не удалось найти документального подтверждения этого награждения – вероятно, имело место представление к ордену или же он был утерян.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же. Д. 308. Л. 15. Автор воспоминаний неизвестен.

данской войны серьезным образом отразилась на частных версиях прошлого. Собственный опыт либо трансформировался в процессе интериоризации главенствующего нарратива, либо подвергался маргинализации⁷³.

Следуя данной интерпретации, мы трактуем мемуарные тексты женщин – членов «Землячества женщин – участниц Гражданской войны» как свидетельство одного из важных этапов этого разлома. Женщины использовали язык описания войны, который отражал как героические нарративы, присущие официальной пропаганде, так и более личные переживания, связанные с эмоциональными травмами и потерями. Вряд ли единственным объяснением этого является разочарование в идеалах борьбы, к чему склоняется О.М. Морозова. Эти тексты зачастую балансировали между попыткой вписать свой опыт в каноническую историю войны и потребностью выразить собственное, нередко сложное послевоенное существование. Героическое прошлое женщин оказывалось недостаточным ресурсом для преодоления новых жизненных вызовов, в связи чем эмоциональная переработка этого прошлого становилась насущной потребностью, составной частью реинтеграции в общество, в котором происходило смещение привычных ориентиров.

Различные обстоятельства подталкивали бывших фронтовичек обращаться к ветеранскому сообществу, в том числе стремление подтвердить свой героический статус и привлечь внимание к собственным социальным проблемам. Вместе с тем в рассмотренных текстах отмеченные орденом женщины далеко не всегда обнаруживали стремление использовать награду в качестве особого символического капитала. Трудно проверить, насколько это объясняется характерной для нэпа атмосферой дегероизации. Как мы увидели на примерах А.П. Богат и М.О. Булле, орден играл менее важную роль, чем служебные и личные связи. Кажется, что для женщин выбор карьеры военного был более рискованной социальной стратегией, нежели для мужчин, а для кого-то и вовсе не был возможен ввиду проблем со здоровьем. В этих условиях прошлое оказывалось двойственным активом, делая награду символом, не всегда конвертируемым в реальную социальную мобильность.

Вероятно, дальнейшие исследования помогут обстоятельнее изучить историю землячества, однако имеющиеся материалы позволяют уже сейчас уточнить представления о социальной адаптации комбатанток. Использование их воспоминаний для создания официальной истории само по себе превращало их ветеранский статус в потенциальный социальный ресурс, который не только мог быть использован в будущем, но и сохранил культурную и социальную значимость в кругах, близких к власти. Не последнюю роль в этом играли гендер, личные связи и готовность к рефлексивной работе с собственным прошлым.

Литература

Алферова И.В. «Женский вопрос» в теории и практике большевизма. Брянск: Курсив, 2011. 352 с.

Бичилов О.А. Социальная адаптация «красных партизан» Осетии после Гражданской войны // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. 2012. № 4. С. 15–19.

Дуров В.А., Стрекалов Н.Н. Орден Красного Знамени: история учреждения награды и эволюция орденового знака М.: Collector's Books, 2006. 223 с.

Минаева О.Д. Образ героини Гражданской войны в советских журналах для женщин (1920–1930 гг.) // Меди@льманах. 2013. № 3 (56). С. 21–28.

Морозова О.М. Два акта драмы: боевое прошлое и послевоенная повседневность ветеранов Гражданской войны. Ростов н/Д.: ЮНЦ РАН, 2010. 360 с.

Морозова О.М., Трошина Т.И. Женский взгляд на мужскую работу. Революция и гражданская война глазами и в судьбах женщин // Новейшая история России. 2016. № 2 (16). С. 8–30.

Савин А.И. «Страна должна знать своих героев»: советский героизм как социальный трамплин (1920–1930-е годы) // ЭКО. 2014. № 12 (486). С. 159–171.

⁷³ Морозова О.М. Два акта... С. 337.

Савин А.И. Героизм как идеологический концепт сталинской эпохи // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: История. 2020. № 3 (55). С. 100–101.

Савин А.И. Сталинские герои в зеркале эго-документов 1930-х гг. // Уральский исторический вестник. 2020. № 4 (69). С. 101–108.

Шишкин В.И. Сибирское землячество участников Гражданской войны (24 марта 1929 – 20 ноября 1936 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 4. С. 77–86.

Hartzok J.G. *Children of Chapaev: The Russian Civil War Cult and the Creation of Soviet Identity, 1918–1941*. PhD (Doctor of Philosophy) thesis. University of Iowa, 2009. 312 p.

References

Alferova, I.V. (2011). “Zhenskiy vopros” v teorii i praktike bolshevizma [“The Woman Question” in Bolshevik Theory and Practice]. Bryansk, Kursiv. 352 p.

Bichilov, O.A. (2012). Sotsial’naya adaptatsiya “krasnykh partizan” Osetii posle Grazhdanskoy voyny [Social Adaptation of “Red Partisans” in Ossetia after the Civil War]. In *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K.L. Khetagurova*. No. 4, pp. 15–19.

Durov, V.A., Strelkov, N.N. (2006). *Orden Krasnogo Znameni: istoriya uchrezhdeniya nagrody i evolyutsiya ordenskogo znaka* [Order of the Red Banner: History of the Award and Evolution of the Order’s Badge]. Moscow, Collector’s Books. 223 p.

Hartzok, J.G. (2009) *Children of Chapaev: The Russian Civil War Cult and the Creation of Soviet Identity, 1918–1941*. PhD (Doctor of Philosophy) thesis. University of Iowa. 312 p.

Minaeva, O.D. (2013). Obraz geroini Grazhdanskoy voyny v sovetskikh zhurnalakh dlya zhenshchin (1920–1930 gg.) [The Image of the Civil War Heroine in Soviet Women’s Magazines (1920–1930s)]. In *Medi@l’manakh*. No. 3 (56), pp. 21–28.

Morozova, O.M. (2010). *Dva akta dramy: boevoe proshloe i poslevoennaya povsednevnost’ veteranov Grazhdanskoy voyny* [Two Acts of Drama: The Wartime Past and Postwar Everyday Life of Civil War Veterans]. Rostov na Donu, YuNTs RAN. 360 p.

Morozova, O.M., Troshina, T.I. (2016). Zhenskiy vzglyad na muzhskuyu rabotu. Revolyutsiya i grazhdanskaya voyna glazami i v sud’bah zhenshchin [Woman’s View at Men’s Work: The Revolution and the Civil War through the Eyes of Women and Through Their Fates]. In *Noveyshaya istoriya Rossii*. No. 2 (16), pp. 8–30.

Savin, A.I. (2014). “Strana dolzhna znat’ svoikh geroev”: sovetskiy geroizm kak sotsial’nyy trampolin (1920–1930-e gody) [“The Country Must Know Its Heroes”: Soviet Heroism as a Social Springboard (1920–1930s)]. In *EKO*. No. 12 (486), pp. 159–171.

Savin, A.I. (2020). Stalinskie geroi v zerkale ego-dokumentov 1930-kh gg. [Stalin’s Heroes in the Reflection of the 1930s Ego-Documents]. In *Ural’skiy istoricheskiy vestnik*. No. 4 (69), pp. 101–108.

Savin, A.I. (2020). Geroizm kak ideologicheskiy kontsept stalinskoy epokhi [Heroism as an Ideological Concept of Stalin’s Era]. In *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. No. 3 (55), pp. 100–101.

Shishkin, V.I. (2023). Sibirskoe zemlyachestvo uchastnikov Grazhdanskoy voyny (24 marta 1929 – 20 noyabrya 1936 g.) [Community of the Civil War Participants in Siberia (March 24, 1929 – End of 1934)]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Vol. 30, No. 4, pp. 77–86.